

Молодой Грифон

Я откинулся от стола.

Шесть Героических культиваторов столпились вокруг стола рядом со мной и Солом. Они находились в самых дальних уголках комнаты, когда рассказ только начался, но теперь каждый из них наклонился вперёд, опираясь на локти и скрещенные руки, чтобы подойти к угасающему папирусу настолько близко насколько могли.

В мрачной тишине, наступившей после окончания истории, которую мне подарил Хилон, мир, казалось, утратил некое качество, которое я раньше и не знал, что у него было. Без тепла героической славы, наполняющей воздух, каждый вдох казался мне холоднее, чем на самом деле. Без света победоносного пламени, заливающего всё вокруг, тени в доме Элиссы казались ещё темнее.

— ...ифон?

Я моргнул. Маленький Король Лео снова дёрнул меня за руку, растерянный и настороженный. Справа от меня маленький дозорный Пир присел рядом со своим опекуном, с тревогой наблюдая за Лефтерисом.

— Да? — запоздало ответил я.

— Когда ты начнёшь рассказывать историю? — спросил маленький король, когда в очаге потухли последние угли и потускнел папирус.

— Я уже закончил, — сообщил я ему. Он возмущённо нахмурился, а выдающийся нос сморщился.

— Лео. Не сейчас. — Лефтерис покачал головой, его глаза были прикованы к истории на столе. Маленький король хотел запротестовать, подумал об этом, и вернулся обратно к своему брату.

За недели, прошедшие с моего прибытия в Олимпию, я получил довольно неплохое понимание Героев и Героинь, собравшихся вокруг крепкого деревянного стола. Не столь хорошего, как я хотел, но, всё же, я узнал больше чем они хотели мне дать. Их манеры, привычки, которые всюду следовали за ними, а также, их чувства друг к другу. Здесь была определённая динамика, гнев и привязанность в зависимости от того, кто был в паре с кем.

Это было очевидно, что они знали друг друга ещё до того, как мы с Солом вступили в их город. Героические культиваторы были и близко не настолько обычным явлением, чтобы они не слышали друг о друге. Говорилось, что в толпе из сотни Граждан, можно найти лишь одного Философа. Это же правило относится и к царствам выше. В толпе из сотни Философов и десяти тысяч Граждан, это будет удачей, если ты найдёшь одного сияющего Героя. Олимпия была в некотором смысле исключением в этом правиле, особенно когда дело касалось её Тиранов, но не настолько, чтобы эти шестеро были незнакомы.

У наших Героических компаньонов была история. Среди них была и враждебность, и привязанность. Трое, коих я избрал своими, были друзьями, или, по крайней мере, были дружелюбными друг к другу. Элисса была достаточно знакома с Кайно, чтобы не ударить его в моменты, когда её гнев брал вверх, а Кайно был достаточно знаком с ней, чтобы знать, когда её нужно было сдерживать. Лефтерису они оба нравились достаточно, чтобы он попытался предостеречь их от моей компании, а он нравился им достаточно, чтобы они попытались

оправдать себя.

Компаньоны Сола, подобно самому Римлянину, были беспорядком. Джейсон и Скифас держались друг друга, но ненавидели мою троицу, а моя троица презирала их в ответ. Анастасию, в какой-то мере, боялись все, так же, как охотничья кошка боится кобру – осторожное понимание её натуры. Они не были запуганы, но они предпочитали держать дистанцию, когда могли. Она же, со своей стороны, наблюдала за ними со слабым весельем. Довольная тем, что позволяет им кружить вокруг себя.

Всё это теперь исчезло. Все эти маленькие нюансы, коих они так аккуратно придерживались, тысяча-тысяч истин и убеждений, которые они использовали, чтобы создать свои личности. Их взаимодействия между собой. Всё, что требовало сознательного контроля, чтобы поддерживать, было выброшено. Друзья не смотрели на друзей, чтобы обсудить, что они только что увидели. Враги ничего не говорили врагам, когда они соприкасались плечами и коленями у переполненного стола.

Скифас, Элисса, Кайно, Лефтерис, Джейсон и Анастасия, каждый из них закрылся в себе, поражённые частью того, что мы только что увидели. Я знал их достаточно хорошо, чтобы понять, что для каждого из них это был разный момент. У меня были некоторые подозрения, что за моменты это были, но пока что, я мог только предполагать почему.

И наконец, я посмотрел на Римлянина, сидящего напротив меня. Серые глаза смотрели пронзительно в ответ.

Ты не знал, вóрон в его тени прошептал моему под столом, достаточно тихо, чтобы никто другой не услышал.

Существует множество вещей, что я ещё не знаю, вóрон в моей тени прошептал в ответ, с лёгкостью в колеблющихся чернилах. Тебе нужно быть более конкретным.

Вместо ответа, Сол сжал, а затем медленно разжал свой кулак на столе. Его глаза многозначительно посмотрели вниз, я проследил за его взглядом.

Хм.

Я расслабил мою правую руку, рассеивая пятнадцать рук жестокого намеренья, наслоённых друг на друга. Боль пронзила каждый палец, как иголка, когда они расслабились. Мои ногти были недостаточно длинными, чтобы прорезать кожу, но они оставили четыре серповидных борозды на моей ладони.

Ты не прочитал её сначала, обвинил меня Сол.

У меня не было времени. Я отстранённо наблюдал за болью, когда кровь вернулась в мои пальцы. Если бы меня обучили дыханию охотничий птицы, я мог бы распределить её. Сделать её будущей силой.

И потому ты положил её перед ними. Легендарными культиваторами со всех концов света, чьи мотивы и связи мы всё ещё не полностью поняли. И ты решил довериться удаче, что эта история убедит их работать с, а не против нас, когда у тебя не было даже идеи...

Нет.

Я увидел, как буря собирается в его взгляде.

Я знал, что это история Героя. Потому что единственное, что ещё Хилон носит в своей рыболовной сети – это письма, на которые он никогда не отвечал. И я знал, о ком она.

В великом параде из сотни героев, лишь от одного можно было ожидать, что он сможет вознестись в царство хищной власти. И это было лишь естественно, что этот исключительный Герой будет стоять на голову выше всех остальных. Легенда среди легенд. О подвигах Героя всегда стоило услышать, даже если они жили и умирали в самом низком ранге. Но это не означало, что они все были одинаково вдохновляющими.

Каждый Тиран когда-то был Героем. Каждый Тиран когда-то был величайшим из сотни великих. Величина их подвигов могла лишь отражать это.

Детали не имели значение. Что было важным, так это то, что каждый из этих увядающих культиваторов увидит каким Герой, должен был быть. Что, пускай даже и на мгновение, но они почувствовали через других то, что они могли чувствовать сами, если бы они только осмелились рискнуть. Слава превыше всего.

Содержание не имело значение.

Я глубоко вдохнул и услышал сквозь рёв в ушах, как мой брат нарушил тишину.

— Элисса, — сказал Сол. — У тебя есть вино? — Песня Меча напряглась и оторвала взгляд от стола, быстро моргая. Не подпитанные её обычным презрением, шрамы, испещряющие её, перестали выглядеть яростно – они стали чем-то почти что трагичным.

— Вино, — пробормотала Элисса, огни цвета пустыни судорожно мерцали в её глазах. — Да. Здесь нужно вино.

Песня Меча выбежала из комнаты, вскоре вернувшись с впечатляющего размера глиняным кувшином, опасно балансирующим на её плече. Она потянулась к кувшину с чистой водой, чтобы разбавить вино, но передумала и щёлкнула пальцами.

— Чаши.

Героические культиваторы в комнате рассеянно потянулись в складки своих хитонов и туник, вытаскивая из них чаши для ЭлиССы. Парадоксальная логика, карманы сложенной риторики, которые они прячут в своих одеждах. Это отличалось от того, что я ожидал, совершенно не похоже на пространство внутри моей тени. Каким-то образом более и менее глубокое, чем до того, как я понял, в чём заключается трюк.

Кайно и Лефтерис пробормотали тихое "спасибо", когда Элисса наполнила их чаши густым красным вином. Анастасия кивнула в знак признательности, задумчиво разглядывая длинный лист папируса. У Сола не было чаши, которую могла наполнить Элисса, поэтому он засунул руку в открытый кувшин и сделал большой глоток из своей сложенной ладони. Она поморщилась, но пошла дальше, ничего не сказав.

Пока Джейсон выпивал свою порцию в один заход, а Элисса шла наполнить чашу Скифаса,

Герой Косящего Шквала нарушил тяжёлую тишину. Ту, которую не смогли сломать вино и мелкая вежливость.

— Бакхус, — выдохнул он, и Элисса уронила кувшин.

Руки панкратиона поймали его, прежде чем он разбился, слабо светясь розовым светом зари. Я поднял кувшин ко рту руками бесформенного намеренья и сделал глубокий глоток нефильтрованного кикёина, поставил его на стол когда мои внутренности как следует прогрелись. Элисса оставила его там.

— Бакхус, — вторила она Скифасу, тяжело опершись на плечо Кайно - он был достаточно высок, чтобы она могла сделать это стоя, пока он сидел. — Я знала, что это его имя. Я знаю, что я знала это.

— Мы все знали, — согласился Кайно.

— И всё же, вы ни разу не сказали его. — Я проигнорировал их взгляды и невысказанное "ты не часть этого". — Мы с Солом были в этом городе больше месяца, и за всё это время я не слышал, чтобы кириоса Бушующего Неба называли как-либо ещё. Ни даже в ночь похорон, когда вы все рассказывали истории в память о нём.

Они ничего не сказали в ответ, потому что это, разумеется, было правдой.

— Вы все забыли имя Тирана Бунт, человека терроризирующего культы великих тайн лишь ради собственного веселья. — Я прижал обе ладони к столу и наклонился вперёд, осматривая каждого из Героев. — Вы похоронили его глубже в своей памяти, чем ваши старейшины похоронили его труп. — Анастасия, сидевшая рядом с Солом, подняла глаза, чтобы взглянуть сквозь чёрные волосы в коротком признании. Остальные же из них...

— Аристотель обучал Дэймона Этоса, — выпалил Лефтерис, словно неспособный поверить в это. — Отец Риторика был наставником Дэймона Этоса.

Ты знал это? вóрон в тени Сола спросил моего.

А ты?

Он нахмурился и покачал головой.

— Он обучал больше чем просто его, — многозначительно сказала Анастасия, наклоняя свою голову к Солу рядом с ней, не отрывая взгляд от папируса. Её пальцы легко скользили по карте, отбрасывая историю Хилона в сторону, когда та мешала ей.

Дэймон Этос - твой старший брат, — сказал Джейсон с истерическим типом удивления, стряхивая вино из тёмной бороды, когда оно пролилось из его рта. — Подожди! Если только... Он твой!..

— Твой младший? — спросил Скифас, сосредотачивая своё внимание.

Кайно нахмурился: «Знал ли ты его лично? До того, как он стал...»

— Тираном? — предложила Элисса.

— Героем? — добавил Лефтерис.

— Самим собой.

И вновь, группа людей, которые должны были знать лучше, стояли на пороге абсурдного предположения.

Хотя в этот раз у них было оправдание, я полагаю. История моего отца и дядей, всё ещё была ярким силуэтом в моей душе. Мы слишком долго смотрели на солнце, и теперь его часть осталась, даже когда мы закрывали глаза. Память о Философе Аристотеле, который так непринуждённо отбросил свою культивацию и свои годы, всё ещё была свежа в их памяти, так же как и в моей. И кто может сказать, что его студент не может также? Даже если они признают статус Сола, как Философа первого ранга, некая их часть всегда будет задаваться вопросом, был ли он чем-то большим раньше.

Обычно, это не было даже предметом обсуждений. Разбитое эго было концом культиватора, это было общеизвестно. Конечно, существовали теории и средства, основанные на слухах, но никто не знал никого, кому они принесли хоть какую-то пользу. Почти во всех обстоятельствах, культиватор добродетели предпочитал смерть тела смерти самости. Те же, кто продолжал цепляться за жизнь после этого, вели жалкое существование, непризнанные извне так же, как и изнутри.

Если бы меня спросили в любой момент моей жизни, кроме этого, мог ли человек как змея, сбросить кульминацию величайших устремлений своей души и продолжать идти без запинки, я бы рассмеялся. А потом я бы сплюнул.

И всё же, вот мы здесь. Героические культиваторы в комнате ждали, чтобы Философ первого ранга сказал им, что он древний, что он когда-то стоял среди сильнейших, прежде чем он выкинул своё эго, как рваную тряпку. Я уже мог видеть как вопросы, что последуют, лезут в их глотки.

Сын Рима смирился с тем, что он стал центром внимания комнаты, скрестив руки, пока он искал слова.

Правду в этот раз, посоветовал я ему, через тени под столом. Та, что справа от тебя - целитель. Если она лечила тебя раньше, или когда-либо в будущем, то она узнает твой истинный возраст.

Сол вздохнул.

Она может нас слышать.

Анастасия улыбнулась.

Ты меня выдал, дразняще прошептала её тень.